

ТЕАТР И ГОРОД

Художник в одиночестве

Говорят, в Комсомольске-на-Амуре местный театр никогда не блистал успехами. И люди-де сюда ехали работать не столько по зову искусства, сколько по зову «северного коэффициента». И публика не та — до сих пор вокруг немало зон, а в самом городе полно «химиков». И еще много всяких причин, по которым театр обречен на прозябание.

Но вот, приехав в этот бывший «город на заре» и попав в его театр, я увидел в афише Ануя (да еще пьесу, которая, кажется, нигде у нас не идет, — «Генералы в юбках»), Уильямса, Чехова, Шукшина... Пришел к главному режиссеру, оказавшемуся молодым человеком, недавним выпускником Высших режиссерских курсов ГИТИСа. Узнал, что все эти постановки сделаны им, хотя главным он здесь — меньше трех сезонов. А потом еще посмотрел кое-что из этих спектаклей и убедился, что этот главный, Вадим Паршуков, — человек не только молодой и начитанный, но и профессиональный, и свою творческую программу имеющий (да, собственно, в самом подборе пьес уже видны художественная последовательность, вкус и, я бы сказал, просветительское начало). И работоспособный, театром живущий: весь этот репертуар создал на месте полного развала, оставлен-

ного предшественником. И на дальнейшее мысли в голове есть — Камю хочет поставить «Калигулу», и еще несколько неплохих вещей.

А главное, режиссер интересный. «Трамвай «Желание», заигранную, казалось бы, пьесу, поставил свежо, внося свою тему, наполнив спектакль личным переживанием того трагического поражения, которое терпит в нашей современной жизни романтическое, поэтическое начало. С актерами работать умеет. В том же Уильямсе превосходная Бланш — Т. Якимчук, тонкая, необычная, с каким-то даже надломом, без которого по-настоящему эту роль не решишь. Из второстепенной резонерской роли-функции Митча, ее партнера, вдруг получился интереснейший персонаж. Впервые понимаешь, почему Бланш его выделила среди других, как это все созвучно ее тоске по недоступной поэзии человеческих отношений — его любовь к матери, незримо, но реально присутствующей в действии, его метания между матерью и Бланш (в которых, оказывается, и заключен его внут-

ренний конфликт). Все это грузный толстяк Л. Лелькин играет с необыкновенной легкостью, тонкостью, будто всю жизнь только Уильямса и играл. И дуэт, их дуэт с Бланш, просто первоклассно актерски и режиссерски решенный, выходит в центр действия, в нем — смысл, нерв и душа спектакля.

Впрочем, отвлекусь от воспоминаний о хорошем, пусть даже очень хорошем спектакле. Обобщим. Наконец Комсомольску повезло. В театр пришел настоящий режиссер. Он хочет строить — и строит — серьезный театр с серьезным репертуаром. Такой театр, благодаря которому местные жители, по сути дела лишенные многих возможностей приблизиться к культуре, могли бы к ней приблизиться. Только такой театр, по-моему, и имеет здесь право на существование. А иначе зачем вообще нужен театр в Комсомольске-на-Амуре? Для «галочки»? Для трудоустройства некоторой части работоспособного населения? Ну и еще для проведения торжественных заседаний в его монументальном здании.

Так что, как говорится, новому режиссеру карты в руки и бог в помощь. И лишь бы не мешали. Но, помилуйте, кто же будет мешать? Местные власти теперь этим стараются не заниматься, а в самом театре все, небось, радуются, что здесь обосновался художник.

Не тут-то было. После всех приятных эстетических эмоций, испытанных в зрительном зале, уже за его пределами выясняю, что режиссер находится в самой настоящей осаде. Руководит приступом директор драмтеатра А. Шутов, и вот-вот штурм увенчается успехом. Потому что, увы, на него директору удалось поднять немалую часть труппы. И под знаменем большинства ведется психическая атака.

Необъяснимо! — скажет кто-то. Не хотят работать с хорошим режиссером? Наверное, критик пристрастен, и режиссер не так уж хорош. Или, может быть, критик скрывает от нас какие-то изъяны главрежа, оттолкнувшие от него людей... Бросьте. Режиссер действительно талантлив, а критик пристра-

стен в той лишь мере, в какой люди моей профессии должны быть пристрастны по отношению к одаренным художникам. Никаких скрытых обстоятельств нету, и объясняется все очень просто.

Творчество столкнулось с бюрократическим по своему существу отношением к театру как к месту, куда приходят на работу, отбывают положенное время, выполняют ряд дежурных обязанностей, и получают за это зарплату. Такое отношение тут складывалось годами. Оно заразило многих. К тому же, что поделаешь, если в любой труппе плохих актеров больше, чем хороших. А в такой, как эта, и подавно: уровень общей и профессиональной культуры большинства невысок, у многих даже нет специальной подготовки. А у режиссера Паршукова, правда, есть один большой недостаток, присущий многим профессиональным людям. Он не любит работать с плохими актерами, предпочитает с теми, что получше. На компромиссы идет не особенно охотно.

Вот и получил большинство

«против». А там, глядишь, это большинство сцементировали, своевременно разъяснив, что теперь наступили новые времена и потому уважать чужой труд, талант и знания обязательно, а превыше всего — право всех и каждого выступать на собраниях, сводить личные счета и голосовать против недоступных пониманию творческих замыслов. И вообще все теперь в творчестве можно решить простым большинством голосов.

Впрочем, эта сторона дела, думаю, понятна. Теперь уже, кажется, люди мало-помалу перестают верить в то, что большинство всегда право. Только правда, само большинство не перестает. Многие, ощущая себя его частью, как бы вырастают в собственных глазах.

Вернемся, однако, к содержательной стороне. Чего же хочет директор, возглавивший поход на молодого главрежа? Творческая-то программа у него и у тех, кто его поддерживает, какая?

В том-то и дело, что никакой. И никаких претензий, кроме

того, что Ануя и Уильямса не по зубам местной публике, они предъявить главному режиссеру не могут. (Ох уж эта привычка говорить от имени народа, в данном случае публики, и лучше всех знать состояние ее зубов!). А я видел, как здешний зал смотрит Уильямса. В сосредоточенной тишине. И не пустой зал, вовсе нет. На бессмысленные поделки, которыми, по мнению дирекции, театр и должен потчевать зрителя, не больше приходит народа. Только содержание его эмоций другое — адекватное, так сказать, драматургии.

Но если даже местные жители охотнее всего идут на Рацера и Константинова, нужно сделать вывод, что публика, которая предпочитает вышеупомянутых авторов Аную, не может служить эстетическим ориентиром для театра. Ее саму надо воспитывать. Чем Паршуков, к неудовольствию дирекции, и занялся. Причем небезуспешно.

Так складывается ситуация в театре Комсомольска-на-Амуре, что в нем нет места настояще-

му режиссеру с его интересными спектаклями и серьезными замыслами. И он вот-вот вынужден будет отправиться искать другую гавань. А театр сам, добровольно хочет вернуться к тому жалкому существованию, которое он влачил до недавних пор. Вот что на самом деле необъяснимо. Понимают ситуацию городские власти, понимает и руководство Хабаровского краевого отделения Союза театральных деятелей, а помочь не могут. Административный тогда будет нажим. Это теперь не в моде.

Но что же, тогда в моде оказывается расправа с искусством, осененная лозунгами демократии и перестройки, своевольный диктат нехудожников и несправие художника? Судя по происходящему, похоже, что так.

Что же делать? Ведь нужно, необходимо помочь оставшемуся в одиночестве художнику. Иначе мы получим еще одну сломанную артистическую судьбу и еще один до основания, безнадежно разваленный театр. И, добавлю, еще раз дискредитированную идею перестройки в искусстве, которой не впервые пытаются воспользоваться в противоположных искусству и творчеству целях.

Л. ВЕЛЕХОВ.
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ — МОСКВА.